

Научная статья

УДК 343.231

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).440-449

EDN NTXZPI

Общественная опасность деяния: теоретико-правовые, законодательные и правоприменительные аспекты

Евгения Викторовна Рогова*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Россия**rev-80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2524-0241>***Роман Алексеевич Забавко***Юридический институт Иркутского государственного университета;**Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН, Иркутск, Россия**zrairk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1613-9317>*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена одной из наиболее сложных категорий уголовного права — общественной опасности. Авторы проанализировали основные подходы, сложившиеся в науке уголовного права относительно общественной опасности и ее влияния на криминализацию, основание уголовной ответственности и правоприменение. Установлено, что преобладающей является точка зрения, согласно которой рассматриваемое явление отражает реальную и потенциальную способность конкретного человеческого поведения создавать опасность для общественных отношений, относящихся не только к потерпевшему, но и ко всему социуму, в связи с чем государство стремится взять его под контроль, установив уголовно-правовой запрет и при необходимости задействуя механизм уголовно-правовой репрессии. Отмечается, что общественная опасность исторически изменчива, и будучи лишь характеристикой влияния поведения человека на общество, зависит от внешней оценки на основе тех социально-экономических и политических реалий, которые сложились к определенному историческому моменту. Авторами выявлено, что общественная опасность не абстрактна и имеет конкретное выражение в форме определенных уголовно-правовых формул и явлений: малозначительности, основных, привилегированных и квалифицированных составов, санкций и т.д. Отмечается влияние общественной опасности деяния на формирование санкций, выявлена зависимость размеров и сроков наказаний от тех социальных ценностей, на которые посягают общественно опасные деяния, при этом в тексте уголовного закона имеется явный дисбаланс охраны определенных ценностей. Изучены закономерности законодательной оценки общественной опасности деяний, образующих составы преступлений, посягающих на несколько общественных отношений одновременно. Констатируется, что основными показателями общественной опасности выступают ее характер и степень, которые помимо дифференциации уголовной ответственности напрямую связаны с разграничением преступлений и иных социально опасных деяний. Сделан общий вывод о первичности общественной опасности над криминализацией и парализацией деяний ввиду ее свойства отражать опасность человеческого поведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

общественная опасность, дифференциация уголовной ответственности, криминализация, малозначительность, пенализация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рогова Е.В. Общественная опасность деяния: теоретико-правовые законодательные и правоприменительные аспекты / Е.В. Рогова, Р.А. Забавко. — DOI 10.17150/1819-0928.2023.25(3).440-449. — EDN NTXZPI // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 440–449.

Original article

Public danger of an act: theoretical and legal, legislative and law enforcement aspects

Evgeniya V. Rogova*Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
rev-80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2524-0241>***Roman A. Zabavko***Institute of Law of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia;
Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky SB RAS, Irkutsk, Russia
zrairk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1613-9317>*

ABSTRACT

The article is devoted to one of the most complex categories of criminal law – public danger. The authors analyze the main approaches that have been developed in the science of criminal law regarding public danger and its impact on criminalization, the basis of criminal liability and law enforcement. It was established that the prevailing point of view is that the phenomenon under consideration reflects the real and potential ability of specific human behavior to create a danger for social relations that relate not only to the victim, but also to the entire society, in connection with which the state seeks to take it under control by establishing a criminal-legal prohibition and, if necessary, using the mechanism of criminal-legal repression. It is noted that public danger is historically variable, and being only a characteristic of the influence of human behavior on society, depends on an external assessment based on those socio-economic and political realities that have developed by a certain historical moment. The authors have found that social danger is not abstract and has a concrete expression in the form of certain criminal-legal formulas and phenomena: insignificance, basic, privileged and qualified compositions, sanctions, etc. The influence of social danger of an act on the formation of sanctions is noted, the dependence of the size and terms of punishment on those social values that are encroached upon by socially dangerous acts is revealed, while in the text of the criminal law there is an obvious imbalance in the protection of certain values. The patterns of legislative assessment of the social danger of acts that form the elements of crimes that encroach on several social relations at the same time are studied. It is stated that the main indicators of social danger are its nature and degree, which, in addition to the differentiation of criminal liability, are directly related to the distinction between crimes and other socially dangerous acts. A general conclusion is made about the primacy of social danger over criminalization and paralysis of acts due to its property to reflect the danger of human behavior.

KEYWORDS

public danger, differentiation of criminal liability, criminalization, insignificance, penalization

FOR CITATION

Rogova E.V., Zabavko R.A. Public danger of an act: theoretical and legal, legislative and law enforcement aspects. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;25(3):440–449. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2023.25(3).440–449. EDN: NTXZPI.

Введение

Одной из самых важных и в то же время сложных для понимания категорий уголовного права является общественная опасность. Согласно дефиниции, закрепленной в части 1 статьи 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), общественная опасность, наряду с виновностью, противоправностью и наказуемостью, является одним из признаков преступления. Она выступает материальным

признаком и включена в понятие преступления достаточно давно, однако как в научной среде, так и среди правоприменителей по-прежнему нет единства в определении ее сущности и влияния на криминализацию деяний и дифференциацию ответственности, а также на основание привлечения к уголовной ответственности, освобождение от нее и от наказания. В частности, возвращение в УК РФ административной преюдиции и специального рецидива вновь ставит вопрос о содержании общественной опасности действия (бездействия), появлении новой категории – общественной опасности (или «опасного состояния») личности, и ее влиянии на кримина-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

лизацию деяний. Кроме того, обращение к рассмотрению содержания общественной опасности обусловлено и появлением в юридической литературе мнений о необходимости закрепления категории уголовного проступка. В этой ситуации общественная опасность и ее содержание является одним из критериев разграничения проступка и уголовного проступка [1; 2].

Принципиально важным для уголовного права является установление соотношения понятий общественной опасности и вредоносности деяний, которые диалектически взаимосвязаны, но не тождественны [3, с. 130]. В науке уголовного права в последнее время общественная опасность конкретных деяний рассматривается, как правило, через социальную обусловленность их охраны [4; 5] или через их вредоносность [6; 7].

Уголовная ответственность — самый строгий вид государственного воздействия. В отличие от гражданской, административной, дисциплинарной и т.д. уголовная ответственность не только влечет за собой негативные последствия в виде материальных или иных лишений (иногда административные или гражданско-правовые санкции намного существеннее штрафа как уголовного наказания), но и «порождает» преступность и преступников, налагая на осужденных стигму, которая будет преследовать их всю жизнь, ограничивая в возможности социализироваться через профессию или другие социальные институты (иногда это «клеймо» преследует и родственников виновного). Строгая уголовная ответственность может затормозить некоторые негативные социальные процессы, такие, как например, распространение контрафактного алкоголя или наркотиков, а при неправильном применении — и социально значимые (например, предпринимательскую деятельность).

Конечно, необходимость именно уголовно-правовой реакции на большинство деяний не вызывает сомнений: преступления — убийство, изнасилование, разбой, террористический акт и т.д. — во всех обществах существовали и будут существовать, вероятно, еще очень долго. Однако с течением времени некоторые деяния из социально-вредных превращаются в нейтральные или даже полезные. Так было, например, со спекуляцией в советское время, «трансформировавшейся» в одну из базовых составляющих рыночной экономики — коммерцию.

Историческая изменчивость общественной опасности хорошо прослеживается на примере развития уголовного законодательства советского периода: изначально большинство норм Уго-

ловного кодекса РСФСР 1922² и 1926³ годов были направлены на защиту социалистического строя и наиболее опасными были деяния контрреволюционной направленности. В последующем приоритет уголовно-правовой охраны был смещен в пользу защиты общественных отношений, обеспечивающих социально-экономическую стабильность. Вместе с тем нормы, устанавливающие приоритет охраны общественной и государственной собственности над частной, просуществовали вплоть до возвращения рыночной экономики.

Некоторые деяния, несмотря на их вредоносность, не представляют существенной угрозы для общества и применение мер именно уголовно-правового воздействия явно излишне. Между тем в последние несколько лет наблюдается «насыщение» уголовного закона нормами, криминализовавшими различные формы высказываний (устных и письменных), что вызвало бурную реакцию со стороны не только научного сообщества, но и обычных граждан.

Таким образом, имеется потребность в ограничении государственно-правовой репрессии, которая при всей ее необходимости, не должна принимать характер панацеи.

Результаты исследования

Криминализация деяний должна осуществляться на основе явной потребности в этом со стороны общества как крайняя мера реакции при отсутствии иных способов воздействия на проблему. Н.А. Лопашенко справедливо связывает уголовно-правовое воздействие и общественную опасность, которая как раз и обуславливает обязательный публичный характер воздействия на определенные деяния и необходимость жесткого ответа преступнику со стороны не потерпевшего, а именно государства [8, с. 312–313].

Конечно, на криминализацию деяний оказывает воздействие множество обстоятельств [9–12], однако основным из них является общественная опасность деяний.

Принимая во внимание утверждение А.И. Жалинского о том, что «в основе практически любого решения в сфере уголовного право-творчества лежит оценка общественной опас-

² О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р : Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=78579> (дата обращения: 20.05.2024).

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года : Постановление ВЦИК от 22 нояб. 1926 г. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. (Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961 г.).

ности запрещаемого поведения, как деяния в целом, так и способов, и обстоятельств его совершения» [13, с. 48], а также с учетом того, что уголовное законодательство — острый правовой инструмент, который при неправильном применении способен нанести вред общественным отношениям, полагаем, что общественная опасность должна быть тщательно изучена, а в понимании ее социально-правовой сущности необходим консенсус. Диапазон споров о сущности и содержании общественной опасности простирается от необходимости разработки формализованной методики ее оценки до исключения из УК РФ всех процессов, связанных с криминализацией и педализацией деяний. Как мы указали выше, в настоящее время общественная опасность является одним из признаков преступления и учитывается законодателем при дифференциации ответственности, что делает ее объектом научных исследований.

Между тем исследование общественной опасности объективно затруднено — ее понятие и содержание не раскрывается в тексте уголовного закона, она, хоть и существует объективно, не имеет материального выражения и определяется субъектом ее интерпретации, она исторически изменчива и зависит от множества социальных факторов, причем с ускорением общественных отношений увеличивается и трансформация общественной опасности. Все это объективно затрудняет перевод оценки общественной опасности в форму, которая используется при криминализации деяний. Динамичность и вариативность общественной опасности определяется двумя группами факторов: криминологическими (причины и условия преступности, эффективность предупреждения) и уголовно-политическими (приоритетные направления борьбы с преступностью в данный момент, особенности и традиции уголовного законодательства, карательная практика).

В советской уголовно-правовой доктрине, фундаментом которой стали закономерные результаты развития русского уголовного права второй половины XIX — начала XX века, общественная опасность признавалась важнейшим признаком деяний, по которому его можно было отграничить от иных проступков и закрепить в уголовном законе, что позволяло применить меры именно уголовной ответственности как крайней реакции на вредоносное поведение субъекта, выбрав в зависимости от уровня этой вредоносности именно ту меру реагирования, которая была бы необходима и достаточна

в конкретных условиях. При этом общественной опасности приписывался классовый характер, основанный на признании и формальном закреплении социальной значимости тех или иных ценностей, выработанных исторически и имеющих значение для правящего класса [14, с. 6–7]. Это в равной степени позволяло объяснить направления уголовной политики как советского, так и буржуазных государств.

Фактически эта концепция перешла в современную уголовно-правовую науку после распада СССР, и общественная опасность ставилась в зависимость от политических, социально-экономических, идеологических и иных условий, в том числе конъюнктурного характера [15, с. 9]. Это в определенном смысле позволило сформировать сущность социальных ценностей, поставленных под уголовно-правовую охрану, а также определить интенсивность уголовно-правового воздействия в УК РФ 1996 года⁴ и обосновать последующие изменения и дополнения, вносимые в него.

Некоторые авторы, например, Н.Ф. Кузнецова, выступили с критикой релятивности общественной опасности и политической конъюнктуры, утверждая, что «идеологические штампы» в деятельности современных законодателя и суда в России антиконституционны, а потому недопустимы [16, с. 69–70].

Сущность общественной опасности, как уже было сказано выше, напрямую связана с понятием преступления, закрепленного в уголовном законе, а сам факт выбора общественной опасности как одного из признаков деяния — с методологическим концептом формально-материального определения преступления, который закреплен в УК РФ 1996 года. Это позволяет ограничить репрессию, так как преступно (а потому наказуемо) то деяние, которое не просто формально признано таковым со стороны государства, но реально способно причинить значительный вред общественным отношениям. При этом следует иметь в виду, что отсутствие формального признака — противоправности, которая фактически придает законодательную форму общественной опасности, значительно расширяло уголовную репрессию, разрешая применять закон по аналогии. В статье 16 УК РСФСР 1926 года указывалось: «Если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

к тем статьям Кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления». Только лишь признаком общественной опасности при определении преступности деяния обойтись нельзя — оно должно быть запрещено посредством включения в текст УК РФ, а до этого даже если оно общественно опасно, оно не может быть преступным [17, с. 217]. Это подчеркивает взаимосвязь общественной опасности и противоправности деяния (при первичности первой в процессе криминализации) как признаков преступления. Очевидно, что некоторые общественно опасные деяния при их появлении в ходе развития общества будут оставаться без должной реакции со стороны государства до их включения в Особенную часть УК РФ, что позволит виновным уходить от ответственности. Однако такова логика охраны общественных отношений в условиях социальных изменений, которые должны побуждать законодателя к правотворческой деятельности. Тем самым общественная опасность выступает предпосылкой криминализации, т.е. закрепления преступности деяния.

В науке уголовного права появилась позиция, сторонники которой утверждают, что государство само, по своему усмотрению вправе решать вопрос о том, какие деяния представляют угрозу для общества (являются вредоносными), оценивая те социальные изменения, которые произошли в обществе [18, с. 335]. Развивая эту мысль, отдельные авторы предлагают отказаться от общественной опасности в описании преступления ввиду того, что эта категория относится к социологии, а не к юриспруденции [19, с. 197].

Криминализация деяний, в ходе которой деяние признается противоправным, полностью находится в компетенции государства, в связи с чем признание общественной опасности все чаще отождествляют с приданием деянию противоправности, т.е. согласно этой позиции общественно опасным становится исключительно то деяние, которое включается в текст УК РФ. Конечно, это преподносится как вынужденное и максимально практичное решение, направленное на купирование новых угроз, появляющихся в стремительно изменяющемся мире, — это хорошо видно в пояснительных записках к проектам соответствующих федеральных законов.

В то же время, как верно отмечает А.-Б.С. Ондар, принимая во внимание столь частые изменения УК РФ, большая часть из которых связана с криминализацией, вряд ли государство должным образом оценивает общественную опасность в ходе таких трансформаций [20, с. 93].

Несмотря на утверждения ряда авторов о том, что попытки измерить общественную опасность и формализовать результаты таких измерений, обречены на провал, критерии общественной опасности отдельных деяний не просто измерены, но даже закреплены в законе. Это связано с малозначительностью деяний, которые согласно части 2 статьи 14 УК РФ не являются преступлениями. Хищения в форме некавалифицированных кражи, мошенничества, присвоения и растраты, мелкие хищения разграничиваются по стоимости предмета посягательства (2,5 тысячи рублей), незаконная охота и нарушение правил пользования объектами животного мира по размеру ущерба (40 тысяч рублей) и т.д. Общественная опасность деяний на уровне малозначительности («значительности») измеряется и другими категориями — формой вины, способом совершения, характером наступивших последствий, свойствами личности виновного и потерпевшего, обстановки совершения и т.д. Эти признаки формализованы при дифференциации уголовной ответственности в основных, квалифицированных и привилегированных составах преступлений.

Однако на практике суды не всегда связывают малозначительность деяний с установленными в законе признаками, отмечая, что общественная опасность должна не только причинять вред, формализованный в нормах УК РФ, но и потенциально грозить существенным вредом объекту уголовно-правовой охраны. В частности, Верховный суд Российской Федерации отменил обвинительный приговор в отношении К., совершившего незаконный вылов кеты в количестве 8 особей. Суд указал, что несмотря на наличие признака «в местах нереста или на миграционных путях к ним» деяние в силу малозначительности не представляет общественной опасности, в связи с чем оправдал К. за отсутствием в его действиях состава преступления по причине отсутствия способов массового истребления водных биологических ресурсов, несмотря на наличие признаков преступления, предусмотренного пунктом «в» части 1 статьи 256 УК РФ⁵. В последующем это повлекло за собой пересмотр всей практики применения статьи 256 УК РФ и нашло отражение в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных био-

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 03 августа 2006 г. № 64-ДП06-11 // СПС «КонсультантПлюс».

логических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)»⁶. Вместе с тем полагаем, что законодатель, закрепляя минимальные «границы» преступления, отграничивая его от деяния малозначительного, обычно указывает тот вред, проявление которого позволяет констатировать общественную опасность деяния.

Следует заметить, что законодатель, определяя границы малозначительности («значительности») деяния, а правоприменитель — оценивая происшествие в конкретном деле, ведут речь не о деянии, которое традиционно рассматривается как обязательный признак объективной стороны, а о «содеянном», т.е. всем комплексе признаков преступления, которые имеются в конкретном случае. Собственно, вред преступления выражается не в деянии, а в общественно-опасных последствиях, а указанные выше форма вины, способ совершения, характер наступивших последствий, свойства личности виновного и потерпевшего, обстановка совершения и т.д. также относятся к иным признакам состава преступления.

Методологическая проблема двойственности содержания категории «деяние» имеет свое происхождение из основания уголовной ответственности, согласно которому им является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Однако очевидно, что деяние, являющееся признаком объективной стороны, не может содержать в себе весь состав преступления, включая иные признаки.

Одно из наиболее типичных проявлений общественной опасности в уголовном законе обнаруживается через структуру охраняемых ценностей — общественных отношений. Законодатель, используя типовую (характер) общественную опасность деяний, систематизировал все преступления по роду и виду в разделы и главы: на основании закономерных общностей общественных отношений, охраняемых в указанных элементах Особенной части УК РФ, принято выделять родовую и видовую объекты преступления. При этом законодатель включил соответствующие нормы в УК РФ в соответствии со значимостью этих отношений для общества и в привязке со шкалой ценностей, определенных Конституцией РФ: личность — общество — государство.

Понимание системы ценностей, охраняемых уголовным законом, принципиально важно для установления сущности общественной опасности. Не всякая ценность является объектом уголовно-правовой охраны — для защиты некоторых достаточно норм морали, религии, этики, и государство не вмешивается в данные отношения. Это справедливо для тех элементов общества, которые не нуждаются в контроле и эффективно саморегулируются, а в случае их нарушения вред минимален (а иногда и вообще условен) и легко устраняется, а государственное регулирование в таком случае излишне затратно и неэффективно.

В отдельных случаях государство все же вмешивается в регулирование таких отношений, однако делает это посредством правовых механизмов, не отнесенных к уголовному праву. Гражданско-правовые механизмы применяются для защиты частной сферы (имущественных и личных неимущественных отношений), административно-правовые — сферы управления обществом и т.д. Гражданско-правовые и административные нарушения также причиняют вред и даже обладают общественной опасностью, но она столь мала и характер ее таков, что уголовная ответственность за такие деяния нерациональна и вредна.

Иногда характер общественной опасности деяния меняется в зависимости от сочетания ценностей, на которые посягает виновный. Оскорбление, посягающее на честь и достоинство человека, относится к числу гражданско-правовых деликтов, а оскорбление судьи, посягающее также на правосудие, является преступлением. Или, например, одновременное посягательство на жизнь (или здоровье) и собственность дают основание квалифицировать содеянное не как совокупность умышленного причинения вреда здоровью и кражи, а как разбой.

Ценностная градация охраняемых общественных отношений очень важна для уголовного права. Объективно существуют такие ценности, охрана которых, ввиду их значимости и значительности причиняемого им вреда, возможна только посредством уголовного права, другие могут быть защищены и иным способом, а уголовно-правовое вмешательство нецелесообразно. Например, Н.Г. Иванов выделяет абсолютные ценности (жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество как человеческие эманации) и утверждает, что они подлежат приоритетной защите и главным образом в рамках уголовного права; а также относительные ценности (все остальные), которые могут быть обеспечены по-

⁶ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 нояб. 2010 г. № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 1.

средством уголовного права, но только при определенных условиях [21].

А.И. Марцев и О.А. Михаль провели исследование, на основании которого они смогли все ценности, уголовно-правовая охрана которых производится посредством УК РФ, классифицировать на виды в зависимости от законодательного учета общественной опасности деяний, которые их нарушают.

1. К особо ценным объектам авторы исследования относят жизнь человека, основы конституционного строя и безопасность государства, мир и безопасность человечества.

2. К ценным объектам относятся половая свобода, общественная безопасность.

3. К средней ценности объектам относятся свобода, половая неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, экономическая деятельность, интересы службы в коммерческих организациях, здоровье населения, интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, правосудие, порядок управления.

4. К небольшой ценности объектам относятся честь и достоинство личности, политические, социальные и личные права и свободы человека и гражданина, общественная нравственность, общественный порядок, экология, безопасность движения и эксплуатации транспорта, компьютерная информация, интересы военной службы [22, с. 57–58].

Вторая характеристика общественной опасности — степень, которая отражает интенсивность поражения общественных отношений, также используется в тексте УК РФ при дифференциации уголовной ответственности и, как правило, формулирования основного, квалифицированных и привилегированных составов преступлений. На повышение степени общественной опасности могут влиять множество обстоятельств: размер вреда или предмета преступления, время, место, способ, средства и орудия, обстановка совершения преступления, форма вины и т.д. Между тем степень общественной опасности фактически одного и того же деяния может являться основанием выделения разных составов преступлений, например, умышленное причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью.

Степень общественной опасности деяния порой настолько сильно зависит от дополнительных обстоятельств (например, от наличия формы соучастия), что повышает общественную

опасность квалифицированного состава по сравнению с основным весьма значительно, в связи с чем размер или срок наказания в санкции увеличивается в два, три, а порой и в десятки раз.

Привилегированные составы сформулированы в тексте УК РФ посредством включения в конструкцию конкретного состава преступления обстоятельства, уменьшающего общественную опасность, которое, как правило, закреплено в качестве типичного смягчающего. В привилегированном составе такое обстоятельство подлежит учету не при назначении наказания, а при квалификации, так как оно уже учтено при криминализации. Таких составов, в отличие от квалифицированных, в тексте УК РФ немного, традиционно к ним относят убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106), убийство, совершенное в состоянии аффекта (статья 107), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 108) и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (часть 2 статьи 108) и некоторые другие.

Законодательное закрепление привилегированных составов напрямую связано с учетом общественной опасности преступления, но относится в основном не к самому деянию (в перечисленных выше примерах это убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку), а к иным признакам (субъект преступления, обстановка его совершения, эмоции, которые сопровождают действия виновного, и т.д.). Поэтому, раскрывая правовую природу привилегированных составов, правильнее говорить об общественной опасности не деяния, а сочетания деяния и вышеуказанных признаков, которые являются иными признаками состава преступления, но отделить от деяния их нельзя. То есть, как и при характеристике малозначительности, фактически нужно вести речь об общественной опасности «содеянного».

Возвращаясь к содержанию характера и степени общественной опасности, следует отметить, что законодатель учитывает их при пенализации деяний и законодательно отражает ее в санкциях, а точнее в виде, размере или сроке наказания, а также в возможности назначения нескольких наказаний (основного и дополнительного).

Выводы

Все вышесказанное позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Общественная опасность представляет собой признак преступления, который отражает

способность деяния причинять вред общественным отношениям или создавать угрозу причинения такого вреда.

2. Эта категория исторически изменчива и может возникать, исчезать или измениться с течением времени под воздействием социально-экономических, политических и иных предпосылок, которые существуют объективно и исторически изменчивы.

3. Общественная опасность и противоправность диалектически едины и представляют собой две характеристики деяния — реальную или потенциальную вредоносность и отношение государства к нему в виде уголовно-правового запрета. При этом общественная опасность первична над противоправностью, а потому зависит не от субъективного мнения законодателя (фак-

тически конъюнктуры), а объективна, законодатель лишь интерпретирует ее в самом запрете.

4. Общественная опасность определяется характером (раскрывается через сущность нарушаемых ценностей) и степенью, отражающей интенсивность воздействия виновного на общественные отношения.

5. Законодательное проявление общественной опасности обнаруживается прежде всего в межотраслевой дифференциации ответственности, малозначительности деяния, формулировании основного, квалифицированного и привилегированного составов (которые, в свою очередь, основаны на ценностной интерпретации смягчающих иотягчающих обстоятельств), а также в санкциях, отражающих степень карательного воздействия на виновного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаврилов Б.Я. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова. — EDN WXITBB // Российская юстиция. — 2016. — № 11. — С. 2–5.
2. Рогова Е.В. О введении категории уголовного проступка в российское законодательство / Е.В. Рогова. — EDN XSQUCD // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 2 (46). — С. 129–135.
3. Винокуров В.Н. Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным / В.Н. Винокуров. — DOI 10.61205/S160565900027633-0. — EDN QCZEFQ // Журнал российского права. — 2024. — № 1. — С. 120–131.
4. Судакова Т.М. Социальная обусловленность и некоторые правовые проблемы противодействия преступному обороту новых видов наркотиков / Т.М. Судакова. — DOI 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651. — EDN WZXTNR // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 4. — С. 643–651.
5. Безверхов А.Г. «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации / А.Г. Безверхов, Ю.С. Норвартян. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(3).562-568. — EDN ZHNAZJ // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 562–568.
6. Кузнецова Н.И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект / Н.И. Кузнецова. — DOI 10.19073/2306-1340-2018-15-1-64-69. — EDN YSHAHT // Вестник Омской юридической академии. — 2018. — Т. 15, № 1. — С. 64–69.
7. Забавко Р.А. Общественная опасность экологических преступлений в динамике социальных отношений / Р.А. Забавко. — DOI 10.26516/2071-8136.2021.1.57. — EDN KRDDPS // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 1 (92). — С. 57–62.
8. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления : авторский курс / Н.А. Лопашенко. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 440 с. — EDN JISHOQ.
9. Прокументов Л.М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния / Л.М. Прокументов. — EDN KYJEEH // Вестник Воронежского института МВД России. — 2009. — № 4. — С. 18–24.
10. Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л.М. Прокументов. — EDN SZDPNZ // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4 (14). — С. 81–91.
11. Шиханов В.Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения / В.Н. Шиханов. — DOI 10.26516/2071-8136.2021.1.68. — EDN OPXNWK // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 1 (92). — С. 68–73.
12. Никонов П.В. Законотворческий аспект противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения / П.В. Никонов. — DOI 10.26516/2071-8136.2024.1.74. — EDN XBBISK // Сибирский юридический вестник. — 2024. — № 1 (10). — С. 74–83.
13. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества / А.Э. Жалинский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 6-й междунар. науч.-практ. конф., 29-30 янв. 2009 г. — Москва, 2009. — С. 48–52.
14. Кудрявцев В.Н. Что такое преступление / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Госюриздат, 1959. — 62 с.
15. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.Г. Понятовская. — Казань, 1996. — 345 с.

16. Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н.Ф. Кузнецова. — EDN MRLQDF // Государство и право. — 2010. — № 6. — С. 67–75.
17. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования / под ред. Н.А. Лопашенко. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 480 с. — EDN SPLCAD.
18. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Маркунцов. — Москва, 2015. — 550 с.
19. Васильев А.М. Теоретические проблемы современности к пониманию преступления / А.М. Васильев, С.В. Мошкин. — EDN OYMOHN // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 6. — С. 195–199.
20. Ондар А.-Б.С. Общественная опасность: проблемы определения / А.-Б.С. Ондар. — DOI 10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094. — EDN TYWPEI // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 6. — С. 85–94.
21. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния / Н.Г. Иванов. — DOI 10.18572/2072-4411-2024-2-35-40. — EDN RYLWYG // Уголовное судопроизводство. — 2024. — № 2. — С. 35–40.
22. Марцев А.И. Категория «тяжесть преступления» в уголовном праве / А.И. Марцев, О.А. Михаль. — Красноярск, 2001. — 81 с.

REFERENCES

1. Gavrilov B.Y., Rogova E.V. The Prospects for the Consolidation of Criminal Misconduct in the Context of the Reform of the Criminal Legislation of Russia. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2016, no. 11, pp. 2–5. (In Russian). EDN: WXITBB.
2. Rogova E.V. The Introduction of the Criminal Offence into the Russian Legislation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 2, pp. 129–135. (In Russian). EDN: XSQUCD.
3. Vinokurov V.N. The Structure of Public Danger and the Basis for Recognizing the Act as Insignificant. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 120–131. (In Russian). EDN: QCZEFQ. DOI: 10.61205/S160565900027633-0.
4. Sudakova T.M. Social Conditionality and Some Legal Issues of Combating Criminal Trafficking of New Types of Drugs. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 643–651. (In Russian). EDN: WZXTNR. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651.
5. Bezverkhov A.G.1, Norvartyan Yu.S. «Epidemic» Crimes: Aspects of Criminalization and Systematization. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 562–568. (In Russian). EDN: ZHNAZJ. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).562-568.
6. Kuznetsova N.I. Public Danger of Ecological Crime: Criminological Aspect. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 64–69. (In Russian). EDN: YSHAHT. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-64-69.
7. Zabavko R.A. Public Danger of Ecological Crimes in the Dynamics of Society. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 57–62. (In Russian). EDN: KRDDPS. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.1.57.
8. Lopashenko N.A. *Thoughts on Criminal Law. Principles of Criminal Legislation. Criminal Law. Crime, Offence and Corpus Delicti. Author's Course*. Moscow, Yurлитinform Publ., 2020. 440 p. EDN: JISHOQ.
9. Prozumentov L.M. Public Danger as the Basis of Criminalization (Decriminalization) of Act. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 4, pp. 18–24. (In Russian). EDN: KYJEEEX.
10. Prozumentov L.M. The Grounds for Criminalization and Decriminalization of Acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91. (In Russian). EDN: SZDPNZ.
11. Shikhanov V.N. Criminalization of AUE: the Pitfalls of the Enforcement of the Decision. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2021, no. 1, pp. 68–73. (In Russian). EDN: OPXNWK. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.1.68.
12. Nikonov P.V. Legislative Aspect of Countering Corruption Crimes Related to Giving and Receiving Bribe and Other Types of Illegal Rewards. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2024, no. 1, pp. 74–83. (In Russian). EDN: XBBISK. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.1.74.
13. Zhalinskii A.Eh. Assessment of the public danger of an act in the process of criminal law-making. *Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. January 29-30, 2009*. Moscow, 2019, pp 48–52. (In Russian).
14. Kudryavtsev V.N. *What is crime*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 62 p.
15. Ponyatovskaya T.G. *Conceptual foundations of criminal law: history and modernity. Doct. Diss.* Kazan, 1996. 345 p.
16. Kuznetsova N.F. The Value of the Danger of Acts for Their Criminalization and Decriminalization. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 6, pp. 67–75. (In Russian). EDN: MRLQDF.
17. Lopashenko N.A. (ed.). *Cross-sectoral differentiation of criminal and other types of legal liability: results of theoretical modeling*. Moscow, Yurлитinform Publ., 2021. 480 p. EDN: SPLCAD.
18. Markuntsov S.A. *The Theory of Criminal Law Prohibition. Doct. Diss.* Moscow, 2015. 550 p.
19. Vasilyev A.M.1, Moshkin S.V. Theoretical Problems of Modernity to Understanding of Crime. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 6, pp. 195–199. (In Russian). EDN: OYMOHN.

20. Ondar A.B.S. Public Danger: Problems of Definition. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2023, no. 6, pp. 85–94. (In Russian). EDN: TYWPEI. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094.

21. Ivanov N.G. Social Danger of an Act. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2024, no. 2, pp. 35–40. (In Russian). EDN: RYLWYG. DOI: 10.18572/2072-4411-2024-2-35-40.

22. Martsev A.I. *Category «gravity of crime» in criminal law*. Krasnoyarsk, 2001. 81 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгения Викторовна Рогова — доктор юридических наук, профессор, директор института. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1. Researcher ID: AAS-4345-2021; SPIN-код: 6142-3540.

Роман Алексеевич Забавко — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права Юридического института. Иркутский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1; Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН. 664033, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, 134. SPIN-код: 2248-3852; Researcher ID: AAD-4666-2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya V. Rogova — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1, Shevtsova st., Irkutsk, Russia, 664035. Researcher ID: AAS-4345-2021; SPIN-code: 6142-3540.

Roman A. Zabavko — Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Institute of Law. Irkutsk State University. 1, K. Marks st., Irkutsk, Russia, 664003; Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky SB RAS. 134, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664033. Researcher ID: AAD-4666-2021; SPIN-code: 2248-3852.

Поступила в редакцию / Received 14.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised 13.09.2024

Принята к публикации / Accepted 26.09.2024